

СПОСОБЫ РАЗДЕЛА ДОХОДОВ МЕЖДУ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С. А. Иконников

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 26 июня 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются способы распределения братских доходов между членами православных приходских причтов епархий Центрального Черноземья. На основе архивных источников и опубликованных материалов автор анализирует наиболее характерные проблемы, связанные с разделом требных сумм между священно- и церковнослужителями.

Ключевые слова: Православная российская церковь, пореформенная Россия, приходское духовенство, материальное положение священнослужителей, доходы за требоисполнение.

Abstract: in the article the ways of distribution of brotherly income between priests and deacons of dioceses of the Central Black Earth are considered. The author analyzes the most typical problems of distribution of donations for private services.

Key words: Russian Orthodox Church, Post-reform Russia, parish clergy, material security of clergy, donations for private services.

Одной из наиболее значимых и обсуждаемых проблем в жизни Православной российской церкви второй половины XIX – начала XX в. являлся низкий уровень материальной обеспеченности приходских священно- и церковнослужителей. Основным источником благосостояния духовенства было требоисполнение. Оно не устраивало клириков по целому ряду причин. Во-первых, священнослужители вынуждены были получать средства путем заключения личных договоренностей об оплате. Прихожане нередко после совершения обрядов отказывались платить оговоренную сумму, в результате чего возникали конфликтные ситуации. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславов справедливо писал о том, что сложно было найти в Церкви такую консисторию, в которой бы в массовом количестве не скапливались дела, связанные с жалобами на священнослужителей со стороны прихожан [1, с. 351].

Во-вторых, так как священнослужители совершали таинства, как правило, по случаю значимых в жизни прихожан событий, нередким явлением стало угощение клириков водкой. Протоиерей И. Беллюстин так описывал сложившуюся традицию: «Случился праздник, например, Пасха, – священник ходит с образами. Угощение, то есть водка и закуска, в каждом доме. Молебн отслужили, и священника просят почтить хозяина – выпить водки и закусить. Священник отказывается, пред ним становится все семейство на колени и не встает, пока священник не выпьет. Не подействовало и это; уговорил он хозяев встать и идет не

выпивши. Конечно, хозяин в страшной обиде, с негодованием бросает что-нибудь за молебен и уже не провожает священника» [2, с. 89]. На страницах епархиальных ведомостей пастыри высказывали недовольство сложившейся традицией. Многие клирики стремились избежать хождения по домам во время праздничных дней, дабы не участвовать в застольях и угощениях.

Однако помимо означенных выше трудностей, сопровождаемых требоисполнением, существовала еще одна проблема. Братские доходы, с таким трудом собираемые клириками, необходимо было распределить между членами приходских причтов. По какому принципу следовало делить получаемые за требы доходы? Данный вопрос имел актуальность на протяжении всего синодального периода истории Православной церкви.

Проблема усугублялась тем фактом, что в Древней Церкви, в эпоху формирования основных источников церковного права, ясный принцип, определенно указывавший, какую часть доходов следовало отдавать высшим и низшим членам клира, так и не был сформулирован. По причине недостаточной канонической разработанности вопроса о разделе доходов приходское духовенство Православной российской церкви руководствовалось собственными традициями, многие из которых существенно различались в зависимости от региона.

Священнодействия, совершаемые духовенством, во второй половине XIX – начале XX в. делились на две группы:

1) требы, вознаграждение за служение которых распределялось между всеми членами причта;

2) требы, вознаграждение за совершение которых предоставлялось одному из членов причта (священнику, дьякону или псаломщику).

К первой группе треб относились священнодействия, совершение которых традиционно предполагало участие не одного только священнослужителя, но и низших членов причта, «хотя бы в действительности кто-либо из них, по каким-нибудь обстоятельствам, иногда и не принимал участия в исправлении подобной требы» [3, с. 58]. Требами, предполагавшими разделение доходов между всеми членами причта, являлись крещение, венчание, соборование, отпевание усопших, крестные ходы по домам верующих в праздничные дни, поминовение на проскомидии и литургических прошениях, освящение полей, скота, домов и др. [там же].

Вторую группу священнодействий составляли такие богослужебные чинопоследования, совершение которых традиционно подразумевало участие одного из членов причта. Соответственно и вознаграждение за них полагалось одному клирику. Так, например, к личным доходам священнослужителей относились плата за чтение очистительных молитв над матерью ребенка, плата за чтение молитв на наречение имени младенцу, добровольные приношения прихожан за исповедь, плата за чтение канона «по исходе души от тела», вознаграждение за совершение молитв в канун праздников Рождества Христова и Пасхи. К личным доходам низших членов причта могли относиться плата за чтение молитв перед и после причащения, псалтыри по усопшим, а также за совершение погребального звона [там же, с. 59].

Плата за служение треб, предполагавших личное вознаграждение священнику или низшим членам причта, давалась «поручно», т. е. тому, кому она предназначалась. Однако возникает вопрос, по какому принципу распределялись суммы между членами причта за служение треб, предусматривавших плату в пользу всего состава причта? Этот вопрос вызывал сложности даже у современников.

Вплоть до начала XIX в. в Православной российской церкви не имелось единого принципа распределения общих доходов между членами причта. По выражению П. В. Знаменского, «каждый пирог или яйцо были предметом величайших споров» [4, с. 706]. В каждой епархии существовали свои традиции раздела доходов за требы. Как правило, священник получал половину вознаграждения, а другая половина отходила дьякону и псаломщику (дьякону доставалась, естественно, бóльшая часть). Неопределенность и законодательная незакрепленность традиции распределения доходов порождали частые конфликты между духовными лицами.

Первая попытка законодательно закрепить традицию распределения доходов относится к 1776 г., когда в Московской епархии митрополит Платон (Левшин) ввел в качестве руководящего правила «Учреждение о разделе доходов в причте». Владыка предусматривал возможные варианты комплектования причтов, в зависимости от которых доходы следовало делить на разное количество частей. Так, например, в приходе, состоявшем из 4 человек (священника, дьякона, псаломщика и пономаря), братские суммы делились на 10 частей (священник получал 5; дьякон – 2,5; псаломщик и пономарь – по 1,5 части соответственно) [5, с. 127].

Однако правило митрополита Платона распространялось лишь на духовенство Московской епархии. В других епархиях Православной российской церкви продолжали руководствоваться своими традициями, что приводило к частым конфликтам. Святейший Синод в 1827 г. издал указ, согласно которому «Учреждение о разделе доходов в причте» становилось обязательным для всех епархий [4, с. 669]. Эта мера смогла упорядочить разнообразные традиции раздела братских сумм, но так и не решила проблему окончательно. Во многих местах священнослужители продолжали руководствоваться старыми обычаями, считая введенную синодальной властью норму рекомендательной.

С новой силой проблема распределения доходов между членами причтов проявилась после начала церковной реформы Александра II. Присутствие по делам православного духовенства, проанализировав трудности в материальном обеспечении священно- и церковнослужителей, приняло решение улучшить положение путем пересмотра штатного расписания приходо-в. Штатными должностями с 16 апреля 1869 г. объявлялись две – настоятеля и псаломщика. В редких случаях, если того требовала серьезная необходимость, могла быть введена должность помощника настоятеля. Суть реформы сводилась к попытке увеличения доходов духовенства путем упразднения «лишней», как тогда многим казалось, должности дьякона. Однако в условиях пересмотра штатов снова поднимался вопрос о распределении доходов между членами причтов. Какую долю братских сумм следовало давать настоятелю, а какую псаломщику или помощнику настоятеля? Для того чтобы ответить на подобные вопросы, Святейший Синод 24 марта 1873 г. издал «Правила о местных средствах содержания православного приходского духовенства и о разделе сих средств между членами причтов» [6, с. 370]. Однако закон от 24 марта 1873 г. также не смог решить проблему распределения доходов среди священно- и церковнослужителей, так как не рассматривал всех возможных

вариантов комплектования причтов. В Правилах говорилось лишь об общем принципе деления средств.

Окончательная путаница произошла после того, как 16 февраля 1885 г. положение о штатах от 16 апреля 1869 г. было отменено. Должность дьякона снова провозглашалась штатной, а приходы могли комплектоваться необходимым количеством духовенства, в зависимости от численности прихожан. Но снова возникал вопрос, каким образом распределять доходы между духовенством в условиях действия нового штатного расписания 1885 г.? Ответ был дан в определении Святейшего Синода от 16–24 декабря 1887 г. [7, с. 370]. Синодальное определение 1887 г. являлось последним постановлением власти, касавшимся вопроса распределения доходов между членами причтов, действовавшим до конца синодального периода истории Православной российской церкви.

Ввиду того, что долгое время проблема раздела братских доходов не была законодательно решена, а в течение второй половины XIX в. неоднократно пересматривалась, на местах возникали серьезные трудности, связанные с противоречиями между священнослужителями по вопросу распределения доходов. Так, например, 21 июня 1885 г. дьякон Никольской церкви слободы Новоанновки Новооскольского уезда Курской губернии Евгений Иванов жаловался в духовную консисторию на нежелание настоятеля церкви иерея Илии Букина руководствоваться новым законом о распределении доходов. Дьякону священник по-прежнему отдавал ту же часть дохода, что и псаломщику, не желая пересматривать годами устоявшуюся традицию. «Неоднократно я просил его (священника. – С. И.) делить кружечный и другие доходы по расписанию, наменному по определению Святейшего Синода, на что он ответил нежеланием своим и при том объявил: так как теперь у нас служитя шестинедельное поминовение по усопшим, то по окончании поминовения в первых числах июня разделить еще по-прежнему: сам получит настоятельскую, а мне выдавать псаломническую. Когда я спросил у него о земле, чтоб мне получить дьяконскую часть, он окончательно отказал, что земля не подлежит разделу подобно кружечному» [8, л. 9–9 об.]. Дело было направлено для разбирательства благочиннического совета Курской епархии. Из записной кружечной тетради стало ясно, что за май 1885 г. причт получил общий доход на сумму 119 руб. 95 коп., из которых священник Букин взял 71 руб. 97 коп., дьякон Иванов – 23 руб. 99 коп. и псаломщик – 23 руб. 99 коп. Однако по закону дьякон должен был получить 39 руб. 98 коп. Таким образом дьякон не дополучил 16 руб., а священник присвоил себе лишних

11 руб. 97 коп., псаломщику выдал больше необходимого на 3 руб. 99 коп. Священноначалие поручило священнику отдать дьякону причтавшуюся ему сумму и впредь не нарушать законного предписания Святейшего Синода [там же, л. 13–13 об.].

Нежелание переходить на новый принцип раздела братских доходов выражал также настоятель церкви села Мелихова Белгородского уезда Курской губернии Федор Смирнов. Жалобу на его принципиальную позицию в консисторию подал дьякон Афанасий Попов. Требные суммы в приходе распределялись по принципу: из доходного рубля священник получал 50 коп., дьякон – 25 коп., псаломщики по 12 1/2 коп. Подобный подход вызывал недовольство дьякона и сомнения в законности. Иерей Федор Смирнов, узнав о поданной на него жалобе, также решил обратиться в консисторию, выразив свою собственную позицию по сложившейся ситуации. Священник полагал, что дьякон, часто отсутствовавший на требах по причине занятий в церковно-приходской школе, вообще не должен был претендовать на часть братских доходов. В итоге священноначалие обязало строптивного настоятеля выплачивать дьякону причтавшуюся ему по закону долю [там же, л. 11].

Иногда настоятели путем незаконного дележа братских доходов пытались сводить счеты с неугодными клириками. Подобная ситуация сложилась вокруг священника Крестовоздвиженской церкви слободы Россошь Острогожского уезда Воронежской губернии Илии Соколова. В 1896 г. клирик обратился с прошением на имя епископа Анастасия (Добрадина), в котором писал о явных злоупотреблениях со стороны настоятеля храма. По словам клирика, в его приходе при попустительстве настоятеля расхищались кружечные доходы. Дело дошло до того, что доля дохода священника Соколова равнялась суммам, получаемым псаломщиками. «Тайное и явное расхищение кружечных доходов в нашем росошанском причте, продолжающееся 9 лет, привело к изумительным результатам: священник, именно я, стал получать равные доходы с причетниками, а за некоторые месяцы даже менее их. Мой уже безответный псаломщик Александров совсем почти лишился куска хлеба. За некоторые месяцы доходы его сократились до 3 рублей в месяц. Быть может, эта скорбь повлияла на него настолько, что он тронулся умом в последнее время» [9, л. 28]. Иерею Соколову удалось выяснить, что причетник Шмаринов, служивший с другим священником его причта, за февраль 1896 г. получил 14 руб., в то время как сам иерей Соколов – 15 руб. 72 коп., за март у чтеца вышло 18 руб., а у Соколова – 12 руб. 30 коп., за апрель другой причетник их церкви, Замахаев, получил 19 руб., иерей Соколов – 14 руб. 94 коп. [там же].

Приведенные примеры свидетельствуют о возникавших внутри приходских причтов серьезных противоречиях по вопросу распределения требных доходов. Подобные противоречия встречались довольно часто. Существовавший порядок раздела причтовых доходов в начале XX в. часто подвергался критике. Вопрос имел настолько существенное значение, что был вынесен для обсуждения на заседания Священного Собора Православной российской церкви. В ходе заседаний проблема раздела доходов подверглась тщательному рассмотрению на шести заседаниях Отдела о правовом и имущественном положении духовенства. Итоги обсуждения нашли свое отражение в докладе члена Собора священника Николая Карташева, прозвучавшего на заседании 13 ноября 1917 г. [10, с. 189–199]. По словам докладчика, прежний принцип раздела братских сумм, основанный на синодальном определении от 16–24 декабря 1887 г., не удовлетворял условиям времени и практически во всех епархиях нарушался, вызывая конфликты между духовными лицами. Наибольшей критике подверглась доля доходов, выделяемая псаломщикам. Материальное положение последних представляло печальное зрелище. «Получаемое ими обеспечение далеко ниже самой скромной прожиточной нормы. Не редки случаи, что псаломщики не только не в состоянии дать образование своим детям, но едва могут прокормить их. Они вынуждены, в ущерб своим прямым обязанностям, заниматься самыми трудными и черными работами, нанимаясь в услужение к богатым прихожанам и отдавая в наймы своих детей» [там же, с. 190].

Отдел о правовом и имущественном положении духовенства счел существовавший порядок раздела братских сумм несправедливым, прежде всего, по отношению к низшим членам причта. Для исправления ситуации было принято решение изменить прежний принцип разверстки доходов, увеличив долю псаломщика за счет небольшого уменьшения прибыли священника. Подобное решение устраивало не всех членов Собора. Категорическое несогласие высказал протоиерей А. В. Санковский. Священнослужитель полагал, что решение о введении нового принципа распределения доходов принято под влиянием революционных настроений. Увеличивать долю псаломщика за счет священников, по мнению протоиерея, совершенно неканонично. «Если мы вступим на путь урезок содержания священников, то не явятся ли аномалией эти урезки в условиях современной русской жизни? Вступив на этот путь, наш Отдел, скажу прямо, вписывает только новую страницу в работы Маркса и Энгельса» [там же, с. 202].

Несмотря на открывшуюся в ходе обсуждения доклада дискуссию, Собор принял относительно

будущего раздела доходов следующее определение. Все местные средства обеспечения приходского духовенства (доходы за требоисполнение, проценты с причтовых капиталов, церковные земли, оброчные статьи, денежное вознаграждение, выдаваемое прихожанами, продукты, подносимые в виде платы за требы) распределялись между членами причтов таким образом: каждому псаломщику полагалась по одной части, каждому штатному дьякону – по одной 1/3 части, каждому штатному священнику – по две части. По-другому указанное соотношение могло быть выражено так: псаломщику отводилась одна 1/2, дьякону – две, священнику – три или три, четыре и шесть частей соответственно. Разделу подлежали все братские суммы, в том числе ранее относившиеся к индивидуальным доходам. Исключение составляли «добротные даяния за особые труды отдельных членов причта, каждого по его званию, совершенные вне храма» [там же, с. 229]. Таким же образом должны были распределяться доходы между членами причтов домовых и тюремных церквей. Предполагалось, что новый принцип раздела местных сумм обеспечения приходского духовенства вступит в силу с 1 января 1918 г. Однако по причине известных обстоятельств этому так и не суждено было случиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России : в 2 т. Т. 1 / Д. И. Ростиславов. – Лейпциг : Ф. Вагнер, 1866. – 585 с.
2. *Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства / И. С. Беллюстин. – Paris ; Berlin ; London : A. Franck A. Asher et C, 1858. – 168 с.
3. *Забелин П. П.* Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и по церковно-гражданским постановлениям русской церкви : в 3 ч. / П. П. Забелин. – 2-е изд., испр. и доп. новейшими узаконениями. – Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1888. – 656 с.
4. *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П. В. Знаменский. – Казань : Университетская типография, 1873. – 851 с.
5. *Розанов Н. П.* История московского епархиально-го управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821) : в 3 ч. Ч. 3. Кн. I / Н. П. Розанов. – М. : Тип. «Русских Ведомостей», 1870. – 470 с.
6. Правила о местных средствах содержания Православного приходского духовенства и о разделе сих средств между членами причтов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: Т. 48. – Часть 1. – № 52048. – С. 366–372.
7. От 16–25 декабря 1887 года, за № 2676, о разделе кружечных доходов и других местных средств содержания между причтами // Церковные ведомости. – 1888. – № 2. – С. 10–11.

8. Государственный архив Курской области. – Ф. 20. – Оп. 2. – Д. 393.

9. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1942.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Иконников С. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин

E-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Тел.: 8-908-136-28-16

10. Деяния Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. : в 11 т. Т. 3. – М. : Издание Новоспасского монастыря, 1994. – 260 с.

Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great

Ikonnikov S. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History, Philosophy and Socio-Political Sciences Department

E-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Tel.: 8-908-136-28-16